

ПАВЕЛ АННЕНКОВ

**ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ПУШКИНА.
ЛУЧШАЯ БИОГРАФИЯ ПОЭТА**

ЛИТРЕС

Павел Васильевич Анненков

Жизнь и труды Пушкина.

Лучшая биография поэта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8499065

Павел Анненков. Жизнь и труды Пушкина. Лучшая биография поэта:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-67155-7

Аннотация

Биография А. С. Пушкина, созданная Павлом Васильевичем Анненковым (1813–1887), до сих пор считается лучшей, непревзойденной работой в пушкинистике. Встречаясь с друзьями и современниками поэта, по крупицам собирая бесценные сведения и документы, Анненков беззаветно трудился несколько лет. Этот труд принес П. В. Анненкову почетное звание первого пушкиниста России, а вышедшая из-под его пера биография и сегодня влияет, прямо или косвенно, на положение дел в науке о Пушкине. Без лукавства и домисливания, без помпезности и прикрас биограф воссоздал портрет одного из величайших деятелей русской культуры. Для тех, кто делает первые шаги в изучении пушкинского наследия, книга П. В. Анненкова станет надежной опорой. Для тех же, кто давно и усердно интересуется жизнью и творчеством Пушкина, – золотым

стандартом, с которым сверять свои достижения и лестно, и бесполезно.

Содержание

Глава I[1]	6
Глава II	20
Глава III	65
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Павел Анненков

Жизнь и труды Пушкина.

Лучшая биография поэта

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I¹

Предки и родственники.

Эпоха рождения. 799–1811 гг.

Боярин Пушкин, Ганнибалы. – Отец и мать. – Няня Арина Родионовна. – Стихотворение «Подруга дней моих суровых...». – Захарово. Вязёмо. – Стихотворение «Мне видится мое селенье...». – Характер отца, С. Л. Пушкина. – Дядя В. Л. Пушкин. – Пьеса «Путешествие В. Л. Пушкина» и И. И. Дмитриев.

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, в 1799 году, 26 мая, в четверг, в день Вознесения Господня, на Мол-

¹ Материалы, представляемые теперь публике, преимущественно извлечены из бумаг поэта, а за сообщение некоторых подробностей о жизни его, которые вообще так трудно добываются у нас, приносим здесь искреннюю благодарность родственникам, друзьям и знакомым поэта, благоволившим передать нам свои воспоминания. При самом начале труда нашего покойный Лев Сергеевич Пушкин, Н. И. Павлищев и покойный Павел Александрович Катенин составили для настоящего издания и по нашей просьбе три записки; первый о жизни поэта до приезда его в Москву в 1826 г., второй о детстве Пушкина (со слов родной сестры его О. С. Павлищевой), третий вообще о своем знакомстве с ним. Записки эти, писанные собственной рукой авторов, находятся у составителя материалов, и многочисленные отрывки из них приведены им в тексте. Две из этих записок отчасти уже знакомы читателям: первая была опубликована вполне, а вторая в отрывках, вероятно с копий, предоставленных авторами лицам, сообщившим их публике.

чановке.

Мать его, как известно, была из фамилии Ганнибалов. Общие черты родословной Пушкиных и Ганнибалов переданы были самим Александром Сергеевичем в его «Записках». К ним можно только прибавить несколько заметок. Из всех своих предков, Пушкиных, Александр Сергеевич особенно уважал боярина Григория Гавриловича Пушкина, служившего при царе Алексее Михайловиче послом в Польше, с титулом Нижегородского наместника, и скончавшегося в 1656 году. Александр Сергеевич происходил от него по прямой линии и в честь его дал меньшому своему сыну имя Григория. Из предков своих, Ганнибалов, А. С. Пушкин часто упоминает о родоначальнике этой фамилии, негре Абраме Петровиче. Мы увидим также, что Пушкин посвятил несколько превосходных лирических строф памяти его знаменитого сына, генерал-поручика Ивана Абрамовича Ганнибала, славного основанием Херсона, где ему воздвигнут памятник, и первую Наваринской битвой, в которой он был участником и героем. Этот Ганнибал, умерший в С.-Петербурге в начале нынешнего столетия, играл важную роль в своем семействе. Он был благодетелем бабушки Александра Сергеевича, Марьи Алексеевны Ганнибал, урожденной Пушкиной, в ту тяжелую и романтическую эпоху ее жизни, когда муж ее, Осип Абрамович Ганнибал еще при жизни ее женился на Устинье Ермолаевне Т[олст]ой, подделав фальшивое свидетельство о

смерти законной жены своей². Марья Алексеевна нашла себе защитника в брате своего мужа, Иване Абрамовиче. Его влиянием расторгнут был незаконный брак, отдана ей малолетняя дочь, Надежда Осиповна, мать нашего поэта, и предоставлено во владение одно из родовых сел мужа – Кобрин³, в 60 верстах от Петербурга. То самое село Михайловское, где и Александр Сергеевич провел два года уединенной жизни, назначено было постоянным местопребыванием его деду – Осипу Абрамовичу. Он умер там в 1806 году. Смерть соединила враждующих супругов на кладбище Святогорского Успенского монастыря, лежащего неподалеку от Михайловского, где также похоронен, как известно, и внук их. По близкому соседству с Петербургом, Марья Алексеевна Ганнибал, вместе с дочерью своей, часто посещала столицу. Отец поэта, Сергей Львович, служил тогда в Измайловском полку. Свадьба его и Надежды Осиповны, вероятно, происходила в Петербурге, потому что первенец их – дочь Ольга Сергеевна – родилась в 1798 году именно в то время, как Сергей Львович состоял еще на службе в Петербурге. Благодетель

² Показание это, взятое из записки, сообщенной нам сестрой поэта через посредство супруга ее Н. И. Павлищева, противоречит со статьей о детстве Пушкина, напечатанной в журнале «Москвитянин» (1852, № 24), где сказано было, что Осип Абрамович только намеревался жениться на Устинье Ермолаевне.

³ Оба брата, Осип и Иван Абрамовичи, были соседи по деревням. Поместье второго, Суйды, находилось только в 5 верстах от Кобрина, где тогда числилось 100 душ. Третий брат, Петр Абрамович, переживший всех их и умерший с лишком девяноста лет от роду, уже был лично известен Пушкину, как увидим ниже.

семьи и опекун Надежды Осиповны, генерал-поручик Иван Абрамович Ганнибал был тогда восприемником младенца. Он еще дожил до рождения Александра Сергеевича (смерть этого знаменитого моряка относится к 1800 году), но уже не видел его. В 1798 году Сергей Львович вышел в отставку, в следующем, 1799-м, Марья Алексеевна продала село Кобринно, и все семейство Пушкиных переехало в Москву, где на деньги, вырученные от продажи имения, Марья Алексеевна приобрела сельцо Захарьино, верстах в сорока от Москвы. 26 мая, как мы сказали, родился там поэт наш, и восприемником его был граф Артемий Иванович Воронцов. При продаже петербургского имения общая няня всех молодых Пушкиных, знаменитая Арина Родионовна, записанная по Кобрину, получила отпускную вместе с двумя сыновьями и двумя дочерьми, но никак не хотела воспользоваться вольной. При продаже (1811 год) Захарьино, или Захарова, как называл его просто сам Александр Сергеевич, она отклонила предложение выкупить семейство одной из дочерей своих, Марьи, вышедшей замуж за крестьянина в Захарове, сказав: «Я сама была крестьянка, на что вольная!» Приставленная сперва к сестре поэта, потом к нему и, наконец, к брату его, Родионовна вынянчила все новое поколение этой семьи. В каких трогательных отношениях с нею находился второй из ее питомцев, прославивший ее имя на Руси, – известно всякому.

Родионовна принадлежала к типическим и благородней-

шим лицам русского мира. Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью оставило в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам. Это объясняется еще и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностью, что он обязан своей няне первым знакомством с источниками народной поэзии и впечатлениями ее, которые, однако ж, как это вскоре увидим, были заметно ослаблены последующим воспитанием.

В числе писем к Пушкину, почти от всех знаменитостей русского общества, находятся и записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми. Вот что писала она около 1826 года. Мысль и самая форма мысли, видимо, принадлежат Арине Родионовне, хотя она и позаимствовала руку для их изложения.

«Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна – вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, забуду вас. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское – всех лошадей

на дорогу выставлю. Я вас буду ожидать и молить бога, чтобы он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшко Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила – *поживи, дружочек, хорошенько*, – самому слюбится. Я, слава богу, здорова – целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна (Тригорское, марта 6)». Каким чудным ответом на это письмо служит неизданный отрывок Пушкина, который мы здесь приводим:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Почтенная старушка умерла в 1828 году, 70 лет, в доме питомицы своей, Ольги Сергеевны Павлицевой.

Другим путем к раннему сближению с народными обычаями и приемами могло служить само сельцо Захарово, про-

данное в 1811 году, когда молодой Пушкин увезен был в С.-Петербург для определения в лицей. Семейство его, постоянно жившее в Москве с 1798 года, проводило лето в новой деревне Марьи Алексеевны. Зажиточные крестьяне Захарова не боялись веселиться; песни, хороводы и пляски пелись и плясались там часто. В двух верстах от Захарова находится богатое село Вязёмо. По неимению церкви, жители Захарова считаются прихожанами села Вязёмо, где похоронен брат Пушкина, Николай, умерший в 1807 году (род. в 1802 г.), и куда Александр Сергеевич сам часто ездил к обедне. Село Вязёмо принадлежало Борису Годунову и сохраняет доселе память о нем. Там указывают еще на пруды, будто бы вырытые по его повелению, и на церковную колокольню, им построенную. Вероятно, молодому Пушкину часто говорили о прежнем царе – владетеле села. Таким образом, мы встречаемся, еще в детстве Пушкина, с предметами, которые впоследствии оживлены были его гением. Пушкин вспоминал о Захарове на скамьях лицея и в одном из многочисленных легких посланий, там написанных, говорит:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами, в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой,
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,

Где вместе Флера и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумят.

(Неизданное стихотворение)

Гораздо позднее, в 1831 году, перед женитьбою своей, Александр Сергеевич побывал в Захарове и, покуда Марья, дочь няни его, готовила ему сельский завтрак из яичницы, он обежал рощицу возле дома и все места, напоминавшие ему детство его. «Все наше рушилось, Марья, – сказал он по возвращении, – все поломали, все заросло...» Через два часа он уехал. Действительно, флигель, где жили дети прежнего помещика, уже был тогда за ветхостью разобран, и оставался один большой дом. Многие березки на берегу пруда порублены. Впрочем, еще недавно один путешественник⁴ видел там старую липу Пушкина; с этого пункта можно было наслаждаться прекрасным видом на пруд и на противоположный берег его, покрытый зеленым еловым лесом. Здесь кстати будет упомянуть, что все русские надписи на деревьях Захарова принадлежат старым или новым гостям его, но совсем не Александру Пушкину, по весьма простой причине: в ранней молодости он писал одни французские стихи, по

⁴ Г. Макаров. – См. «Москвитянин» 1851 года, № № 9 и 10 – Ошибка Анненкова: автором статьи, которую он имеет в виду, был Н. В. Берг (Н. Б. Сельцо Захарово. – Мс, 1851, № 9 и 10, с. 29–39).

примеру своего родителя и по духу самого воспитания.

Отец его, Сергей Львович Пушкин, был человек от природы добрый, но вспыльчивый. При малейшей жалобе гувернеров или гувернанток он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал от врожденного отвращения ко всему, что нарушало его спокойствие, и скоро проходил. Вообще, Сергей Львович не любил заниматься серьезными делами по дому, воспитанию и хозяйству, предоставив все это супруге своей, Надежде Осиповне; никогда не бывал он в дальних своих деревнях, как, например, в Болдине (Нижегородской губернии), предоставив имение в полное распоряжение управляющему, своему крепостному человеку, и отдавал все свое время только удовольствиям общества и наслаждениям городской жизни.

Некоторые черты врожденной его беспечности сохранились в семействе и переданы нам Н. И. Павлищевым. Записанный с малолетства в Измайловский полк, Сергей Львович был переведен потом, при государе Павле Петровиче, в гвардейский Егерский. Сергей Львович не мог отстать в службе от некоторых привычек, к числу которых принадлежала привычка сидеть у камелька с приятелями и мешать в нем огонь, причем раз Сергей Львович употребил на это собственную свою офицерскую трость и с ней же явился потом к должности. Начальник, заметив обгорелую трость, подошел к нему и сказал: «Уж вам бы, г. поручик, лучше явиться с кочергою на ученье!» Огорченный Сергей Львович жаловался потом су-

пруге своей на тяжесть военной службы. Между прочим, он питал какое-то отвращение к перчаткам и почти всегда терял их или забывал дома; будучи однажды приглашен с другими товарищами своими на бал к высочайшему двору, он, по обыкновению, не позаботился об этой части своего туалета и оробел порядком, когда государь Павел Петрович, подойдя к нему, изволил спросить по-французски: «Отчего вы не танцуете?» – «Я потерял перчатки, ваше величество», – отвечал в смущении молодой офицер. Государь поспешно снял перчатки с своих собственных рук и, подавая их, сказал с улыбкой: «Вот вам мои!» – потом взял его под руку с ободряющим видом и, подводя к даме, прибавил: «А вот вам и дама!»

Оставив военную службу в 1798 году, Сергей Львович переселился в Москву и жил долгое время близ Немецкой слободы, у самой Яузы, не переходя моста. После Отечественной кампании он снова определился на службу и в 1814 г. начальствовал комиссариатскою комиссией Резервной армии в Варшаве. Г-н Б(ологовский), назначенный на его место, рассказывал, что, принимая от него сложную должность, он застал Сергея Львовича в присутственном месте за французским романом вместо счетов и бумаг. Сергей Львович вышел в отставку с чином V класса.

С другой стороны, Сергей Львович, как и брат его, поэт Василий Львович, были душою общества, неистощимы в каламбурах, остротах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания, а брат его даже славился по Москве своим

поваром, Власием, которого он называл Blaise и который в первую холеру умер в Охотном ряду, торговцем. Связи Сергея Львовича были довольно обширны. Через Пушкиных он был в родстве со всею этою фамилиею, а через Ганнибаловых с Ржевскими и их свойственниками – Бутурлиными, Черкасскими и проч. Он даже жил дом об дом с графом Дмитрием Петровичем Бутурлиным, и гости последнего были его гостями. В числе посетителей его были Карамзин, Батюшков, Дмитриев, и молодой Пушкин, который всегда внимательно прислушивался к их суждениям и разговорам, знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову, выражающему характер человека и западающему часто в юный ум невольно и неизгладимо.

Вместе со всем лучшим обществом Москвы дом Сергея Львовича, как все избранные дома тогдашнего времени, был открыт для французских эмигрантов: новое средство развлечения, которого все искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо графа Ксавье де Местра. Он уже напечатал тогда свое «*Voyage autour de ma chambre*»⁵ и, в промежутках между литературными занятиями, любил посвящать свои досуги портретной живописи и откровенной беседе с друзьями. Портрет матери Пушкина, Надежды Осиповны, работы Местра находился долгое время у Льва Сергеевича Пушкина. Сам Сергей Львович был известен как остряк и человек необыкновенно находчивый в разговорах. Владея в

⁵ «Путешествие по моей комнате» (фр.).

совершенстве французским языком, он писал на нем стихи так легко, как француз, и дорожил этою способностью. Много альбомов, вероятно, сохранили его произведения; и есть слухи, что в это время он написал даже целую книжку, в которой рассуждал по-французски – стихами и прозой – о современной ему русской литературе. Чрезвычайно любезный в обществе, он торжествовал особенно в салонных играх, требующих беглости ума и остроты, и был необходимым человеком при устройстве праздников, собраний и особенно домашних театров, на которых как он, так и брат Василий Львович отличались искусством игры и декламации⁶. В обществе Сергея Львовича находились также и две известные пианистки, блиставшие вместе с тем и талантом остроумной беседы: девица Першрон де Муши и г-жа Шимановская. Первая вышла замуж за Фильда, вторая впоследствии сделалась тещей поэта М[ицкеви]ча.

Памятником веселости, оживлявшей это общество, осталась даже печатная книжка. Известно, что когда дядя нашего

⁶ Н. И. Павлищев передал нам несколько образчиков его находчивости. «*Quelle ressemblance ya-t-il entre le soleil et vous, m-r Pouchkine?*» («В чем сходство между солнцем и вами, г-н Пушкин?») – спросили его раз. «*C'est qu'on ne saurait fixer l'un et l'autre sans faire la grimace*» («В том, что нельзя без гримасы разглядывать нас обоих»), – отвечал он тотчас же. Многие из его возражений имели большой успех в обществе, как, напр., ответ дородной польской даме, спрашивавшей его: «*Est-ce vrai, m-r Pouchkine, que vous autres Russes, vous êtes des antropophages: vous mangez de Tours?*» («Правда ли, г-н Пушкин, что вы, русские, – антропофаги: вы едите медведей?») – «*Non, m-me,* – отвечал он, – *pous mangeons de la vache, comma vous'* («Нет, сударыня, мы едим коров, вроде вас») и проч.

поэта, Василий Львович Пушкин, собирался ехать за границу, то И. И. Дмитриев предупредил, так сказать, весь будущий рассказ путешественника в стихотворной шутке под названием «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». Книжка эта, напечатанная только для друзей, в нескольких экземплярах, сделалась теперь библиографической редкостью. Шутка И. И. Дмитриева особенно поражает соединением веселости, меткости и вместе благородства, что очень редко встречаем в наших печатных произведениях этого рода. За три дня до отъезда своего за границу Василий Львович обещал, на дружеском ужине, верно передать свои впечатления приятелям. И. И. Дмитриев возразил, что письма его всегда будут драгоценны для них, но что содержание корреспонденции почти уже известно. В подтверждение своих слов он сочинил «Путешествие», к которому приложил еще картинку, изображавшую будущего туриста в Париже, за уроком декламации у Тальмы. Чрезвычайно остроумно и верно изображен там автор «Опасного соседа», с его жадной новостей, слепым поклонением иностранным диковинкам, усвоением всех возможных мод и вместе неизменным добродушием и прямою сердцем. Вот начало этой книжки, которая может дать понятие о всем ее тоне:

Друзья! сестрицы! я в Париже,
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать.

Я был в Музее, в Пантеоне,
У Бонапарте на поклоне,
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастью своему.
Вчера меня князь Долгоруков
Представил милой Рекамье,
Я видел корпус мамелюков,
Сиеса, Вестриса, Мерсье...⁷

⁷ Вот как А. С. Пушкин отзывался в 1834 году об этом малоизвестном произведении И. И. Дмитриева. Выписываем из его тетрадей: «*Путешествие etc. Картинка изображает etc.*». Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастье получить и свой – чуть ли не последний. Я храню его как памятник благосклонности, для меня драгоценной. «Путешествие etc.» есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора. Покойный В. Л. П. отправился в Париж, и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь В. Л. Это образец игривой легкости и живой шутки. Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души, и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа. Виноват: я бы отдал все, что было написано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие [не] задумчивые и невесторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать к друзьям: ...». Стихи не были приложены к отзыву Пушкина.

Глава II

Лицей. 1811–1817 гг.

Детство и первое воспитание. – Страсть к чтению. – Домашний театр и французские стихи. – Лицей. – Кошанский, лицейские журналы, Дельвиг. – Рассказы. – План автобиографии. – Отрывок из лицейских записок. – Куплеты на Шаховского: «Вчера в торжественном венчанье...». – Роман «Фатеша». – Куплеты на учителей: «Скажите мне шастницы...». – Первый опыт литературного характера по поводу Иконникова. – Конец записок. – Разбор лицейских стихотворений. – Подражание Батюшкову, первые печатные стихи «К другу стихотворцу». – Владимир Измайлов и лицейские поэты вообще. – Журналы, где помещались их произведения. – Лицейские стихотворения Пушкина в издании 1826 года. – Об изданиях его стихотворений 1826–1829 годов. Стихи Пушкина в альманахе В. Федорова. – Стихи Пушкина в альманахе М. Бестужева-Рюмина. – Толки и надежды современников; Дмитриев, гр. Хвостов, В. Пушкин. – Легкость в сочинении стихов, проблески таланта в первых опытах. – Значение лицейских стихотворений. – Характер юношеских произведений Пушкина, подражания, влияние Батюшкова. – Значение элегий 1816 года и развитие таланта к 1817 году. – Неизданные отрывки из «Онегина» о лицее (две первые

строфы из 8-й главы). – Стихотворение «Наперсница волшебной старины...». – Выпуск из лица. – Физическая организация поэта и его гимнастические упражнения.

Воспитание детей в семействе Пушкиных ничем не отличалось от общепринятой тогда системы. Как во всех хороших домах того времени, им наняли гувернанток, учителей и подчинили их совершенно этим воспитателям с разных концов света.

До семилетнего возраста Александр Сергеевич Пушкин не предвещал ничего особенного; напротив, своей неповоротливостью, своей тучностью, робостью и отвращением к движению он приводил в отчаяние Надежду Осиповну, женщину умную, прекрасную собой, страстную к удовольствиям и рассеяниям общества, как и все окружающие ее, но имевшую в характере те черты, которые заставляют детей повиноваться и вернее действуют на них, чем мгновенный гнев и вспышки. Впрочем, она не могла скрыть предпочтительной любви сперва к дочери, а потом к меньшому сыну, да и на самое воспитание детей, кроме ее, гувернеров и гувернанток, имели влияние еще и две тетки Александра Сергеевича – Анна Львовна Пушкина и Елизавета Львовна, по мужу Солнцева. Анна Львовна собирала в доме своем часто всех родных и умела вселять искренние привязанности к себе.

Муж Елизаветы Львовны, Матвей Михайлович Солнцев, был искренним другом Сергея Львовича, с которым мог со-

стяжаться в любезности, тонких шутках и французских каламбурах. Правильной системы воспитания тут уже не могло быть, и если существовало какое-либо единство, то разве в общем недоверии к характеру и способности молодого Александра Пушкина. Это обстоятельство, однако ж, имело впоследствии благодетельное влияние на последнего. Не избалованный в детстве излишними угождениями, он легко переносил лишения и рано привык к мысли – искать опоры в самом себе. Надежда Осиповна заставляла маленького Пушкина бегать и играть со сверстниками, с трудом побеждая и лень его, и молчаливость. Раз на прогулке он, не замеченный никем, отстал от общества и преспокойно уселся посреди улицы. Сидел он так до тех пор, пока не заметил, что из одного дома кто-то смотрит на него и смеется. «Ну, нечего скалить зубы!» – сказал он с досадой и отправился домой. Когда настойчивые требования быть поживее превосходили меру терпения ребенка, он убегал к бабушке, Марье Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзинку и долго смотрел на ее работу. В этом убежище уже никто не тревожил его. Марья Алексеевна была женщина замечательная, столько же по приключениям своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина в русском языке. Барон Дельвиг еще в лицее приходил в восторг от ее письменного слога, от ее сильной, простой русской речи. К несчастью, мы не могли отыскать ни малейшего образчика того безыскусственного и мужественного выражения,

которым отличались ее письма и разговоры. Вторым русским учителем Пушкина, несколько позднее, был, по странному случаю, некто г-н *Шиллер*. Впрочем, труды г-на Шиллера не могли принести особенных плодов в это время, потому что маленький Пушкин и сестра его, воспитывавшиеся вместе, говорили, писали и твердили уроки из всех предметов по-французски.

Главным руководителем детей был сперва граф Монфор, образованный эмигрант, бывший в то же время музыкантом и живописцем; за ним г-н Русло, писавший французские стихи; потом г-н Шедель и другие. Настоящим, дельным наставником в русском языке, арифметике и в законе божием был у них почтенный священник Мариинского института Александр Иванович Беликов, известный своими проповедями и изданием «Духа Массильона» (1808). Когда наняли англичанку (мисс Белли) для Ольги Сергеевны, Пушкин учился по-английски, но плохо, а по-немецки и вовсе не учился. Была у них гувернантка немка, да и та почти никогда не говорила на своем родном языке. Вообще ученье подвигалось медленно.

Возлагая все свои надежды на память, молодой Пушкин повторял уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не знал, когда начинали экзамен с него; заливался слезами над четырьмя правилами арифметики, которую вообще плохо понимал. Особенно деление, говорят, стоило ему многих слез и трудов.

Но с девятого года начала развиваться у него страсть к чтению, которая и не покидала его во всю жизнь. Он прочел, как водится, сперва Плутарха, потом «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе, потом приступил к библиотеке своего отца, которая наполнена была французскими классиками XVII века и произведениями философов последующего столетия. Сергей Львович поддерживал в детях это расположение к чтению и вместе с ними читывал избранные сочинения. Говорят, он особенно мастерски передавал Мольера, которого знал почти наизусть, но еще и этого было недостаточно для Александра Пушкина. Он проводил бессонные ночи, тайком забираясь в кабинет отца и без разбора *пожирал* все книги, попадавшие ему под руку. Вот почему замечание Льва Сергеевича, что на 11-м году, при необычайной памяти своей, Пушкин уже знал наизусть всю французскую литературу, может быть принято с некоторым недоверием.

Первые попытки авторства, вообще рано проявляющиеся у детей, пристрастившихся к чтению, обнаружались у Пушкина, разумеется, на французском языке, и отзывались влиянием знаменитого комического писателя Франции. Пушкин любил импровизировать комедийки и, по общему согласию с сестрой, устроил нечто вроде театра, где автором и актером был брат, а публикой – сестра. Раз как-то публика освистала его пьесу «L'Escamoteur».⁸ Автор отделался от оскорбления эпиграммой, сохранившейся доселе в памяти тогдашне-

⁸ «Похититель» (фр.).

ГО СУДЬИ:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteurce
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas – c'est que la pauvre auteur
L'escamota de Molière⁹.

Стишки гладенькие и легкие. Они были предшественниками таких же русских стихов, которые Пушкин начал писать уже в лицее. Авторство шло параллельно с его чтением. Ознакомившись с Лафонтеном, Пушкин стал писать басни. Начитавшись «Генриады», он задумал поэму в 6 песнях, но здесь останавливает нас одна характеристическая особенность. Это была не героическая поэма, как следовало бы ожидать, а шуточная. Содержанием послужила война между карлами и карлицами во времена Дагоберта. Карло (карлик, шут. – *Прим. ред.*) последнего, по имени Toly (Толи. – *Прим. ред.*), был героем ее, почему и вся поэма называется «La Tolyade» (Толиада. – *Прим. ред.*). Стихотворная шутка начиналась так:

Je chante ce combat, que Toly remporta,

⁹ «Скажи, за что партер освистал моего «Похитителя»? Увы! за то, что бедный автор похитил его у Мольера». За эти драгоценные подробности мы еще раз повторяем благодарность нашу Ольге Сергеевне Павлищевой, и особенно теперь, когда указания ее почти уже все исчерпаны нами. Сделаем одно замечание. Нельзя ручаться, чтобы стихи, приводимые здесь, не были невольно изменены и отчасти исправлены при передаче их после столь долгого времени.

Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche¹⁰.

Все это было во вкусе того, что слышал Пушкин вокруг себя и чему он довольно долго подражал, как увидим после. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала г-ну Шеделю, жалуясь, что *M-r Alexandre* за подобными вздорами забывает о своих уроках. Шедель расхохотался при первых стихах. Раздраженный автор тут же бросил в печку свое произведение.

Г-н Макаров передает стыд и замешательство молодого Пушкина, когда в доме графа Бутурлина, по разнесшейся молве о поэтических его дарованиях, к нему приступили все жившие там девушки с альбомами и просьбами написать что-нибудь. Какой-то господин прочел русское четверостишие Пушкина и для большей торжественности ударял на «о»¹¹. Мальчик только успел сказать: «Ah, mon Dieu!»¹² – и убежал без памяти в библиотеку графа, где долго еще не мог

¹⁰ Пою сражение, выигранное Толи, где пало много ратников, где Павел отличился, а с ним Николай Матюрин и прекрасная Нитуш, рука которой была наградой за эту страшную схватку.

¹¹ Это противоречит другому показанию, что Пушкин не писал русских стихов в малолетстве, но мы оставляем здесь слова г. Макарова. Притом же тут совершенной исключительности допустить нельзя. Пушкин мог погрешить и русским четверостишием в это время. Ударение на «о» считалось в то время признаком высокой речи.

¹² О, Боже мой! (фр.).

прийти в себя. Эта сцена повторилась в жизни Пушкина, но судьей был тогда Державин, слушателями все наставники лицея и публика, собравшаяся на экзамен, а читанное произведение («Воспоминания в Царском Селе») носило уже признаки зарождающегося таланта.

Между тем приблизилось время общественного образования для Пушкина. Глаза всех родителей обращены были тогда на Иезуитский коллегиум, существовавший в Петербурге и приобретший известность в деле воспитания. Пушкины нарочно ездили в Петербург для устройства этого дела и переговоров с директорами заведения, когда положение об открытии Царскосельского лицея совершенно изменило планы их. Директором лицея был назначен Василий Федорович Малиновский, с которым, как и с братьями его, Сергей Львович находился в дружеских сношениях. При помощи его, а особенно при содействии А. И. Тургенева, горячо принявшегося за это дело, двенадцатилетний Пушкин был принят в счет тех 30 воспитанников, из которых, по положению, должен был состоять весь лицей. Василий Львович привез племянника в Петербург и держал его у себя в доме все время, покуда он готовился к экзамену. 12 августа 1811 года Пушкин, вместе с Дельвигом, выдержал приемный экзамен и поступил в лицей. Известно, что месяц и число открытия лицея (19 октября) часто встречаются в стихотворениях Пушкина, посвященных воспоминанию о товарищах и своем пребывании среди них.

Вскоре лицейская семья умножилась. Один из профессоров (г-н Гауеншильд) завел пансион для приготовления молодых людей к вступлению в лицей, а таких было много. Пансион, с высочайшего соизволения, причислен к казенным учебным заведениям под именем Лицейского пансиона и сравнен в служебных правах с гимназиями. В пансионе, как и в самом лицее, Пушкин нашел дружеские привязанности, которым оставался верен в продолжение целой жизни. Вообще привязанность воспитанников лицея к месту первоначального своего образования составляет их общую черту. Дельвиг тосковал о лицее на другой же день после своего выхода. Известно, что он писал почти тотчас по приезде в Петербург:

Не мило мне на новоселье:
Здесь все увяло, там цвело;
Одно и есть мое веселье —
Увидеть Царское Село.

Учебная жизнь молодого Пушкина не была блестяща. При обширной, почти изумительной памяти ему недоставало продолжительных, ровных усилий внимания. К тому же в характере его было какое-то нежелание выказывать и те познания, которые он приобрел. Вероятно, по этой причине аттестат, выданный Пушкину по окончании курса, свидетельствовал, как сообщает Лев Сергеевич Пушкин, о по-

средственных успехах даже в русском языке¹³.

Не входя здесь в подробности преподавания, для чего не имеем мы и достаточных материалов, ограничимся при описании лица тем, что ближайшим образом касалось Пушкина. Каждый из учеников лица имел свою отдельную комнату под надзором общего гувернера, С. Л. Ч[ирикова], почтенного человека, посвятившего более тридцати лет жизни исполнению скромной своей должности, и дозволялось по праздникам посещение известных лиц, живших в Царском Селе; для прогулок открыты были воспитанникам сады дворца, а для занятий свободный вход в довольно богатую библиотеку лица.

Замечательно, что в лицее основные черты характера Пушкина развернулись очень скоро, как будто здесь предоставлен им был простор и сняты были с них досадные помехи; с одной стороны, обнаружилось доверчивое и любящее сердце, с другой – расположение к насмешке и преследова-

¹³ В архивах лица, по свидетельству г-на Гаевского (см. «Современник», 1853, № II), сохранены ведомости о дарованиях, прилежании и успехах воспитанников лица: с 1 ноября 1812 по 1 января 1814 и с 19 ноября 1812 по 1 февраля 1814 года. В первой, за географию, всеобщую и российскую историю, профессор Кайданов аттестовал Пушкина так: «при малом прилежании, оказывает очень хорошие успехи и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям. В поведении резв, но менее противу прежнего». Во второй, составленной профессором логики и нравственных наук А. П. Куницыным, Пушкин аттестуется: «весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне неприлежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особенно по части логики».

нию неприязненных личностей, доводившее иногда многих до детского отчаяния. Товарищи называли его французом, вероятно, за превосходное знание французского языка, но эпитет этот скрывал также и нерасположение их к живому и задорному мальчику и выводил иногда самого Пушкина из терпения. Только немногие знали – и в том числе Дельвиг – его душу, сильно расположенную к приязни и откровенности. Дельвиг был идеалист в жизни, если не в сочинениях. Он еще в лицее побудил Пушкина заниматься немецкой литературой и читать германских поэтов; но Пушкин, кажется, оставил своего товарища на первых попытках ознакомиться с Клопштоком. Смутное предчувствие жизни, неясная потребность существенности держали его постоянно в кругу французских поэтов, с которыми он знаком был хорошо. Тогда еще не только Пушкин, но и почти никто у нас не видал, как была бедна эта поэзия чувством и истиной. Гораздо лучше этого питал ранние умственные наклонности Пушкина другой предмет – история. Мы находим, по единогласному свидетельству самих товарищей Пушкина, что, вместе с французской и отечественной словесностью, он преимущественно занимался историей и между этими предметами делил все свое время и все свои чтения.

Таким образом, очень естественно, что Пушкин продолжал писать французские стихи и в лицее. У нас есть целое стихотворение его, писанное на заданную тему: jusqu'au

plaisir de nous revoir.¹⁴ Приводим два первых куплета этой пьесы, вызванной соревнованием в одном из царскосельских обществ, где в числе занятий были и литературные состязания.

Couplets.

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet, —
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on bailie en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Mais tête-a-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle, —
On est content, Ton chante, on rit:
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, a vos bouteilles:
*Jusqu'au plaisir de nous revoir.*¹⁵

¹⁴ До приятного свидания (фр.).

¹⁵ Прилагаем перевод куплетов: «Когда восторженный поэт читает вам свою оду или свое приношение; когда вялый рассказчик тянет слова; когда, наконец, слушаете попугая, не находя ни одного забавного слова, — вы спите, вы зеваете в платок ваш, вы ждете нетерпеливо минуты сказать: «до свидания! до свидания!» Но с глазу на глаз со своей милой или с умными людьми наступают минуты

Когда наконец принялся он за русские стихи, движимый постоянным и неопределенным желанием авторской славы, то с первого раза встретил весьма строгого ценителя в профессоре российской и латинской словесности Н. Ф. Кошанском, который старался даже отвратить его от попыток сочинительства, и только позднее, убедившись в таланте своего ученика, с жаром принялся знакомить его с теорией словесности и с классическими произведениями древности; но рассеянность ученика и болезнь учителя, продолжавшаяся три года, много помешали успеху этого дела. Эпиграммы Пушкина, начинавшие ходить по рукам, доставляли ему ту дешевую известность, которую он предпочитал более дельному отличию на поприще науки: каждый хотел знать эпиграмму его на другого. Люди постарше сверстников и боялись его ударов, и направляли их втайне. Вместе с тем он написал несколько легких посланий, несколько подражаний французским поэтам, которые помещены были в рукописных журналах, издававшихся в самом лицее. Журналы эти совершенно утеряны, и только названия их сохранились в памяти старых лицейских воспитанников; это были: «Лицейский мудрец», «Для удовольствия и пользы», «Неопытное перо», «Пловцы»...

Вообще, склонность к литературе составляла характер истинного блаженства. Вы довольны, вы поете и смеетесь. Старайтесь тогда продолжить мирную беседу вашу и к концу вечера, прощаясь с друзьями и бутылками, пойте: «до свидания! до свидания!»

ристическую черту лицейского воспитания. Между прочим, воспитанники выдумали довольно замысловатую игру. Составив один общий кружок, они обязывали каждого или рассказать повесть, или, по крайней мере, начать ее. В последнем случае следующий за рассказчиком принимал ее на том месте, где она остановилась, другой развивал ее далее, третий вводил новые подробности, и так до окончания, которое иногда не скоро являлось. Дельвиг первенствовал на этой, так сказать, гимнастике воображения; его никогда нельзя было застать врасплох: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкин уступал ему в способности придумывать наскоро происшествия и часто прибегал к хитрости. Помнят, что он раз изложил изумленным и восхищенным своим слушателям историю 12 спящих дев, умолчав об источнике, откуда почерпнул ее. Между тем, при таком же случае, он, еще в грубых чертах, разумеется, передал и две повести, им самим придуманные: «Метель» и «Выстрел», которые позднее явились в «Повестях Белкина».

В бумагах Пушкина сохраняется драгоценная записка, принадлежащая к плану автобиографии, какую замыслил он написать уже в эпоху своей известности и славы. Документ этот, составляющий программу будущего рассказа о самом себе, содержит и перечень всего сказанного нами и несколько новых дополнительных подробностей, из которых многие требуют пояснений, каких мы уже дать не можем. Для будущего биографа Пушкина записка поэта – драгоценнейший

очерк, достойный развития и тщательного исследования.

«Семья моего отца, его воспитание, французы-учителя: Воит..., Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства. Бабушка и ее мать – их бедность. Иван Абрамович. Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины – рождение Ольги. Отец выходит в отставку и едет в Москву. Рождение мое.

Первые впечатления. Юсупов сад, землетрясение, няня. Отъезд матери в деревню. Первые неприятности – гувернантки. Рождение Льва. Неприятные воспоминания. Смерть Николая. Монфор, Русло, Кат. П. и Ан. Ив. Нестерпимое состояние. Охота к чтению. Меня везут в Петербург. Иезуиты. Тургенев. Лицей.

1811, 1812, 1813.

Дядя Василий Львович. Дм. Дм., война с Ан. Ник. Светская жизнь. Лицей, открытие. Куницын. Гр. Аракчеев. Начальники наши. Мое положение. Чечнев, Фролов.

1814.

Смерть Малиновского. Приезд Карамзина. Приезд матери, приезд отца, стихи etc. Мое тщеславие. 15 лет.

1815.

Известие о взятии Парижа. Экзамен, Державин».

Никто не усомнится, что под рукой Пушкина программа эта могла бы развиться в удивительную картину нравов и в мастерское изображение лиц и происшествий. Только последнюю часть ее – свою встречу с Державиным – рассказал

нам поэт, унеся все остальное с собою. Если можно выбирать в литературном деле, которое, вероятно, было бы равно замечательно, то особенно достойно сожаления, что первые впечатления молодости нашего поэта – Юсупов сад, землетрясение, няня – потеряны навсегда для читателей¹⁶.

Вслед за этим прилагаем второй документ, но это уже отрывок из подлинных записок Пушкина, веденных им во время пребывания своего в лицее. Он принадлежит, по всем признакам, к 1815 году и писан еще юношеским почерком Александра Сергеевича, на синей бумаге в четверку. Около тридцатых годов Александр Сергеевич произвел нечто вроде аутодафе из всех лицейских писем и записок, какие толь-

¹⁶ Немногие помнят теперь землетрясение, бывшее в Москве в 1802 году. Вот начало статьи, помещенной тогда в «Вестнике Европы», изд. Н. М. Карамзина («Вестник Европы», 1802, часть VI, № 21, стр. 69. Москва): «14 октября, в исходе второго часа пополудни, мы чувствовали легкое землетрясение, которое продолжалось секунд двадцать и состояло в двух ударах или движениях. Оно шло от востока к западу и в некоторых частях города было сильнее, нежели в других: например (сколько можно судить по рассказам), на Трубе, Рождественке и за Яузою. Оно не сделало ни малейшего вреда и не оставило никаких следов, кроме того, что в стене одного погреба (в городской части) оказались трещины, а в другом отверстие в земле, на аршин в окружности... Удары были чувствительны в высоких домах; почти во всех качались люстры, в иных столы и стулья. Многие люди, не веря глазам, вообразили, что у них кружится голова. Работники, бывшие на Спасской башне, уверяют, что стены ее тряслися. Те, которые шли по улице или ехали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что в Москве было землетрясение...» А. С. Пушкин был еще очень молод в то время, не более трех с половиною лет. Со всем тем любопытно было бы видеть пушкинское изложение, вероятно, нянинных рассказов о необыкновенном феномене

ко мог найти под рукою. Наш отрывок уцелел, вероятно, потому, что затерялся в его тетрадах. Самый поверхностный разбор укажет, сколько еще в нем заключено любопытных данных, освещающих лицо поэта в ту эпоху, которая больше других отошла в тень и мрак прошедшего.

Лицейские записки Пушкина открываются второй половиной анекдота, который был впоследствии рассказан Пушкиным иначе, но здесь анекдот сопровождается еще замечательной припиской.

«... большой грузинский нос, а партизан почти вовсе был без носу. Да[выдов] является к Б[еннигс]ену: «Князь Б[аграти]он, – говорит, – прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...» – «На чем носу, Д[енис] В[асильевич]?» – отвечает генерал. – «Если на вашем, так он уж близко, если же на носу князя Б[аграти]она, то мы успеем еще отобедать».

«Жуковский дарит мне свои стихотворения».

Таким образом, Жуковский еще в 1815 году обратил внимание и поощрительный взгляд свой на юного поэта. Далее следуют строки:

«8 ноября.

Ш[ишк]ов и г-жа Б[уни]на увенчали недавно кн. Шаховского лавровым венком...»

Отсюда начинается послание к известному драматическому писателю нашему, которое не приводим и за слабостью

стихов, и за резкость некоторых упреков¹⁷.

Поводом к негодованию Пушкина и многих других на кн. Шаховского были его комедии «Липецкие воды» и «Новый Стерн», где в первой видели пародию на баллады Жуковско-го, а во второй – на сентиментальность Карамзина. Эпитет «записного гонителя талантов» дан был кн. Шаховскому как за эти пьесы, так еще и по неоправданному подозрению в недоброжелательстве к успехам Озерова. Теперь несомненно, что все это было делом увлечения, за которым слепо шел и Пушкин; но надо сказать, что он первый и отстал от толпы, как скоро увидим. Молодой сатирик обращается, однако ж, от стихов к критическому разбору самих произведений даровитого писателя. Это первый пример литературного суждения в Пушкине, а потому выписываем его:

«Мои мысли о Шаховском.

Шах[овской] никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шах[овской] не имеет большого вкуса: он худой писатель. Что же он такое? Неглупый человек, который, замечая все смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, все записывает и потом, как

¹⁷ Вот несколько выписок: Вчера, в торжественном венчанье Творца «Затей», Мы зрели полное собрание «Беседы» всей Хвала, хвала тебе, о Ш[утовск]ой! * * * Он злой Карамзина гонитель, Гроза баллад, В «Беседе» бодрый усыпитель, Хлыстову брат, И враг талантов записной. Хвала, хвала тебе, о Ш[утовск]ой!.. Здесь уже является враждебное отношение молодых писателей тогдашнего времени к литературному обществу, известному под названием «Беседы любителей русского слова», о чем будет еще сказано в продолжение нашего труда подробнее.

ни попало, клеивает в свои комедии».

Особенно замечательно следующее место в записках:

«10 декабря.

Вчера написал я третью главу «Фатама, или Разум человеческий», читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! Поутру читал «Жизнь Вольтера».

Начал я комедию – не знаю, кончу ли ее. Третьего дня хотел я написать ироическую поэму «Игорь и Ольга».

Летом напишу я «Картину Царского Села».

1. Картина сада.

2. Дворец. День в Ц[арском] С[еле].

3. Утреннее гулянье.

4. Полуденное гулянье.

5. Вечернее гулянье.

6. Жители Царского Села.

Вот главные предметы вседневных моих записок, – но это еще будущее».

Эти *главные предметы записок* обнаруживают постоянное стремление к литературной деятельности в молодом ученике. Некоторые из его товарищей еще помнят содержание романа «Фатама», написанного по образцу сказок Вольтера. Дело в нем шло о двух стариках, моливших небо даровать им сына, жизнь которого была бы исполнена всех возможных благ. Добрая фея возвещает им, что у них родится сын, который в самый день рождения достигнет возмужалости и,

вслед за этим, почестей, богатства и славы. Старики радуются, но фея полагает условие, говоря, что естественный порядок вещей может быть нарушен, но не уничтожен совершенно: волшебный сын их с годами будет терять свои блага и нисходить к прежнему своему состоянию, переживая вместе с тем года юношества, отрочества и младенчества до тех пор, пока снова очутится в руках их беспомощным ребенком. Моральная сторона сказки состояла в том, что изменение натурального хода вещей никогда не может быть к лучшему. О комедии Пушкина, вскоре уничтоженной, и о героической поэме почти ничего не могли мы собрать¹⁸, но картина Царского Села могла служить продолжением другой пьесы: «Воспоминания в Царском Селе», которая была в 1815 году прочитана на публичном экзамене лица в присутствии Державина и породила сцену, так живо рассказанную впоследствии самим Пушкиным. Не мешает прибавить, что отец нашего поэта дополнил ее еще одной чертой. После экзамена был торжественный обед у г-на министра народного просвещения, графа А. К. Разумовского, на который и Сергей Львович получил приглашение. Державин находился

¹⁸ Есть положительное известие, что В. А. Жуковский в то же самое время намеревался написать поэму или стихотворение «Ольга», наподобие Вальтер-Скоттовой поэмы «Дева озера». В легенде об Ольге также говорится, что она первоначально была перевозчицей. Бунт Вадима в Новгороде должен был составлять эпизод в поэме, но В. А. Жуковский оставил намерение без исполнения. Не передал ли он плана стихотворения молодому своему приятелю, начинавшему обращать тогда его внимание на себя? Мы знаем, что еще в 1821 г. г-н Пушкин думал о северной поэме «Вадим» и бросил ее после нескольких попыток.

тут же. За обедом граф Алексей Кириллович, обращаясь к Пушкину, заметил: «Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе». – «Оставьте его поэтом!» – пророчески и с необыкновенным жаром возразил Державин.

Несколько листков записок заняты ученическими, бессвязными куплетами, в которых повторяются слова, части речи и любимые фразы людей, окружавших Пушкина, не представляя почти никакого смысла сами по себе. Как значение, так и соль куплетов совершенно пропали¹⁹. Гораздо важнее их одно место в записках, где мечтательность юного поэта, питаемая самыми незначительными обстоятельствами, начинает наполнять его ученическую комнату вымыслами, фантастическими образами и предположениями. Отрывок начинается стихами:

«29-го.

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,

Отрадой тихою, восторгом упивался!..

И где веселья быстрый день?

Промчались летом сновиденья,

Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

¹⁹ Вот несколько примеров: На Ш.[умахера] Скажите мне шастицы. Как, например: wenn so, Je weniger und desto — Die Sonne scheint also. (если так, чем меньшей тем — Итак, солнце светит (нем.)) На Л(евашова) Bonjour, Messieurs — потише — Поводьем не играй: Уж я тебя потешу! А quand l' equitation? (Здравствуйте, господа... Когда будет урок верховой езды? (фр.)) На К[арцева] А что читает Пушкин? Подайте-ка сюды: Ступай из класса с богом, Назад не приходи...

Я счастлив был! Нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице... сладкая минута!

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку.

Жуковский

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Б[акуниной]!

Я был счастлив 5 минут!»

Лицейские элегии Пушкина «Месяц», «Окно», «Сну» и проч. оставили нам еще другое напоминание о всех волнениях воображаемой страсти, которая была только едва мерцающей зарей сердечного чувства, так сильно развитого впоследствии у Пушкина; но он вспомнил об ней позднее с умилением. Прибавим, что он совершенно забыл впечатления, высказанные им в стихотворениях «К Наташе», «К молодой актрисе» и проч., которые связывались с домашним театром одного из жителей Царского Села, и сберег в памяти навсегда только одно: впечатление чистой, детской красоты, случайно встреченной им в годину ученической жизни...

Наконец, заключаем разбор лицейских записок выпиской целого портрета. Это первый полный опыт Пушкина в созда-

нии лица, характера – первое чисто литературное его произведение. Полагаем, что эти качества сообщат ему особенную занимательность.

«17.

Вчера провел я вечер с Ик[онниковым].

Хотите ли вы видеть странного человека, чудака, – посмотрите на Ик[онникова]. Поступки его – поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату: видите высокого, худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным, изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки – он дико смотрит на вас. Вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг – он вас не узнает. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушевым голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним карафин (графин. – *Прим. ред.*) воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый – спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства; ходит пешком из П[етербур]га в Ц[арское] С[ело], чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок; рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, – легкомыс-

лен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Ик[онников] имеет дарования, пишет изрядно стихи и любит поэзию. – Вы читаете ему свою пьесу – наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко; – зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда».

Здесь кончаются записки Пушкина, и мы теперь же переходим к подробному разбору так называемых лицейских его стихотворений, которые составляют довольно многочисленную семью, заслуживающую внимание по многим обстоятельствам. Не говоря уже об интересе, который связывается даже с незрелыми произведениями истинного художника, они способствуют еще к уразумению нравственной его физиогномии в известную эпоху жизни. За неимением ближайших сведений, погибающих вместе с людьми и даже прежде людей, эти данные имеют сами по себе немаловажное достоинство.

Первыми русскими стихотворениями Пушкина, написанными в лицее, должны считаться его «Послание к сестре», не бывшее в печати, и следующие стихотворения, помещенные в «Вестнике Европы» 1814 года, издававшемся Владимиром Васильевичем Измайловым: 1) «К другу стихотворцу», 2) «Кольна», 3) «Венере от Лаисы, при посвящении ей зеркала», 4) «Опытность» и 5) «Блаженство». За указа-

ние этих стихотворений мы обязаны глубокою благодарностию, вместе с читателями нашими, барону М. А. Корфу, сообщившему нам тетрадь стихотворений, где собраны лицейские произведения его бывших товарищей. Без нее, может быть, никогда бы и нельзя было с надлежащей достоверностью разъяснить вопрос о первых произведениях Пушкина. Последние два из приведенных стихотворений очень любопытны как раннее подражание Батюшкову²⁰. К 1814 году принадлежат также стихотворения «Красавице, которая нюхала табак», «Пирующие друзья», пьеса «Путешественнику», настоящее заглавие которой было «К Н. Г. Л[омоно-

²⁰ Первым напечатанным стихотворением Пушкина было послание «К другу стихотворцу» («Вестник Европы», 1814, № 13, подпись Александр Н.к. ш.п.). Известный библиограф наш С. Д. Полторацкий сообщает даже подробности о *дне* появления первого произведения Пушкина *в печати*. Вот слова, извлеченные из тетрадей его, наполненных любопытными заметками и сведениями. «Сколько мне известно, – говорит он, – это («К другу стихотворцу») первое напечатанное стихотворение Пушкина. Оно появилось в свет в *субботу, 4 июля 1814 г.*, потому что 13-я книжка «Вестника Европы», в которой оно напечатано, вышла в свет и раздавалась подписчикам в этот день, что видно из «Московских ведомостей» (№ 53, суббота, 4 июля 1814, стр. 1320, столбец 2-й). Измайлов (Владимир Васильевич), издававший в 1814 году «Вестник Европы», получил это стихотворение еще в апреле месяце, но не хотел его печатать, не узнав прежде имени сочинителя. Это видно из следующего объяснения, напечатанного в 8-м № «Вестника» Европы» (1814, часть 74, стр. 324): От издателя: Просим сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы под названием «К другу стихотворцу», как всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло право издателя и не откроем тайны имени, когда автору угодно скрыть его от публики.

со]ву», романс «Под вечер, осенью ненастной...» – и, может быть, «Послание к Батюшкову» («Философ резвый и пит...»).

Ранее этих первых опытов трудно, кажется, сыскать что-либо. По указанию кн. Вяземского стихотворение «На смерть Кутузова» («Отечество в слезах познало весть ужасну...»), приписанное одним журналом Александру Пушкину и помещенное в «Вестнике Европы» 1813 года, принадлежит родственнику нашего поэта, Алексею Михайловичу Пушкину.

В 1815 году деятельность молодого поэта расширяется. Кроме двух пьес – «Наполеон на Эльбе», помещенной в «Сыне отечества» на 1815 год (№ XXV и XXVI), и «На возвращение императора Александра из Парижа», напечатанной в «Трудах Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете» (1817, часть IX), – уже 18 пьес Пушкина является в «Российском музее, или Журнале европейских новостей на 1815 год», издания того же В. В. Измайлова, который был восприемником первых произведений почти всех лицейских поэтов. Дельвиг поместил в обоих его журналах (1814 и 1815 годов) до пятнадцати пьес. Илличевский – девять и проч. Должно заметить, что А. Д. Илличевский своими эпиграммами и шутками, переделанными с французского, пользовался у товарищей высоким уважением как автор и оспаривал у Пушкина честь первенства до тех пор, пока Державин своим одобре-

нием не решил, кому отдать преимущество.

Из восемнадцати пьес Пушкина, помещенных в «Российском музее», только девять вошли в посмертное издание его сочинений (1838–41 гг.), а девять выпущены. Подписаны они были в журнале разными цифрами, буквами и анаграммой, что все указано в примечаниях наших к стихотворениям, ныне вполне собранным.

Далее, в «Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете» 1818 года, часть X, помещены были две пьесы Пушкина, написанные им одна в 1815 году, а другая в 1817-м: 1) «Безверие» (1817), 2) «Гробница Анакреона» (1815), а в журнале П. Корсакова «Северный наблюдатель» 1817 года пять следующих: 1) «Певец» (1816), 2) «К ней» («Эльвина, милый друг...», 1816), 3) «Послание к Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...», 1816), 4) «Пробуждение» («Мечты, мечты...», 1816), 5) «Эпиграмма» («Покойник Клит...», 1816).

Из них только «Послание к Лиде» пропущено было посмертным изданием сочинений Пушкина (1838–41 гг.).

К лицейским же (в точном смысле слова) должна принадлежать и пьеса «Разлука», напечатанная в «Невском зрителе» 1820 года (часть II) под заглавием «К[юхельбекер]у», и пять пьес, напечатанных в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827», именно: «Романс» (1814), «Желание» (1816), «Фавн и пастушка» (1816), «Заздравный кубок» (1816), «К живописцу» (1815) и наконец семнадцать

впервые помещенных в издании стихотворений Пушкина 1826 года, а именно: «Друзьям» (1816), «Амур и Гименей» (1816), «Роза» (1816), «Ш[ишк]ову» (1816), «Пушкину» (1817), «Дельвигу» (1817), «К***» («Не спрашивай, зачем унылой думой...», 1817), «Торжество Вакха» и девять мелких пьес (эпиграмм и надписей).

Всего же напечатанных при жизни поэта лицейских стихотворений, если включить сюда и «Послание к Каверину» («Московский вестник», 1828, № XVII), считаем мы пятьдесят шесть, между тем как полное число произведений, обозначаемых «лицейскими» и собранных в настоящем издании, восходит до ста двадцати, да и то еще нельзя ручаться, чтоб тут не было пропусков.

Лицейские стихотворения не могут быть ограничены июнем 1817 года, т. е. месяцем выпуска воспитанников, потому что одинаковый тон, сходство стиха и направления связывают с ними неразрывно и произведения нашего поэта второй половины того же самого года. Вот почему как в нашем издании, так и при исчислении его произведений мы отнесли к «лицейским» все пьесы до 1818 года и только с этого года начинаем другой отдел. Правда, название становится не совсем точно, но, будучи принято по общему соглашению для обозначения духа известной цепи произведений, оно не теряет своей верности и в настоящем случае. Пушкин сделался весьма строг к «грехам отрочества», как он называл стихи своей молодости. Из всей кипы их (120)

он выбрал в 1826 году для первого собрания своих стихотворений только четырнадцать значительных пьес («Пробуждение», «Друзьям», «Гроб Анакреона», «Торжество Вакха», «Певец», «Амур и Гименей», «Разлука», «Лицинию», «П[ушки]ну», «Ш[ишко]ву», «Дельвигу», «Роза», «Старику», «К***») и девять эпиграмм и надписей; всего двадцать три пьесы. Большая часть их была еще вдобавок вся пересмотрена и исправлена против прежних редакций и рукописей, так что вряд ли может и дать настоящую идею о лицейских произведениях. Мы имели случай видеть тетрадь, с которой печаталось это собрание стихотворений: там девять пьес, уже одобренных цензором, зачеркнуты рукою самого автора. Некоторые из них, как то: «Наездник», «Уныние», «Романс», попали в посмертное издание его стихотворений 1838—41 годов, в отдел лицейских произведений, однако же совсем в другом виде, нежели в тетради, о которой говорим. Причина ясна: издание это в дополнительном, 9-м томе своем печатало все лицейские стихотворения или с черновых рукописей Пушкина, или с грубых снимков, что еще хуже. Сам Пушкин печатал их уже в законченном виде. Причина эта понудила нас в настоящем издании подвергнуть все лицейские стихотворения тщательной проверке и показать в примечаниях разницу между испорченным списком и настоящим текстом, где это возможно, а где нет — то сбереечь поправки, сохранившиеся в черновых рукописях на стихотворениях Пушкина, который одно время (1817 г.) хотел приве-

сти их в порядок, как свидетельствуют надписи его на многих пьесах: «переделать», «не надо», «переписать»²¹.

²¹ Книжка «Стихотворения Александра Пушкина. 1828 г., С.-Пб. Типография департамента Народного Просвещения, страниц XI, и 192» весьма любопытна. Она издана была, когда сам поэт находился в деревне своей, Михайловском, после службы в Кишиневе и Одессе, снабжена эпитафией из Проперция и небольшим вступлением от имени издателей, которое выписываем: «Собранные здесь стихотворения не составляют полного издания всех сочинений А. С. Пушкина. Его поэмы помещены будут со временем в особенной книжке. Мы теперь предлагаем только то, что не могло войти в собрание собственно называемых поэм. В короткое время автор наш успел соединить голоса читателей в пользу своих поэтических дарований. Мы считаем себя вправе ожидать особенного внимания и снисхождения публики к нынешнему изданию его стихотворений. Любопытно, даже поучительно будет для занимающихся словесностию сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором «Руслана и Людмилы» и других поэм. Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели, как на историю поэтических его досугов в первое десятилетие авторской жизни. Многие из сих стихотворений напечатаны были прежде в периодических изданиях. Иные, может быть, нами и пропущены. При всем том, это первое, в некотором порядке, собрание небольших стихотворений такого автора, которого все читают с удовольствием. Как издатели мы перед ним и перед публикою извиняемся особенно в том, что по недосмотру корректора остались в нашей книжке значительные типографические ошибки». Следуя своему правилу, издатели разделили стихотворения по родам, но к каждой пьесе приложили год ее сочинения, чем значительно облегчили хронологическое распределение пьес, которое нами принято за основание издания. Второе издание стихотворений Пушкина (Стихотворения Александра Пушкина. 2 части. 1829 г. С.-Пб., в типографии департамента народного просвещения, стр. 224, 176». Вместо цензурного одобрения на обеих частях: «С дозволения Правительства») уже совсем откинуло методу разбора пьес по содержанию и следовало одному чисто хронологическому порядку, что повторяется и в настоящем, предлагаемом публике издании. Кстати, мы увидим позднее, что предисловие к первому изданию 1826 года, которое приведено выше, было написано по плану и указанию самого Пушкина.

Та же самая строгость выбора присутствовала и при вторичном издании стихотворений его в 1829 году в двух томах. В нем повторены только лицейские стихотворения издания 1826 года и не прибавлено к ним ни одной новой пьесы из этого времени. Все это показывает значительную осторожность Пушкина в отношении первых своих произведений. Он даже отказывался от некоторых из них. Так, в альманахе Б. М. Федорова «Памятник отечественных муз» 1827 года напечатано было, с согласия самого автора, несколько лицейских его опытов. Между ними находился «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), о котором Пушкин совершенно забыл, хотя и вписал его в тетрадь, приготовленную для печати стихотворений его в 1826-м. В 1830 году он уже не признавал этого стихотворения своим, говоря: «По крайней мере, не должен я отвечать за чужие проказы»²². Мы знаем также, что он глубоко был оскорблен, когда, по возвращении в Петербург из путешествия в Арзрум в 1829 году, нашел в альманахе «Северная звезда» г-на Михаила Бестужева-Рюмина (а не Марлинского, как напечатано, по странной ошиб-

²² То же самое повторилось и в отношении пьесы «Фавн и пастушка», напечатанной в том же альманахе. Мы находим в «Северных цветах», 1829 год, в статье «Обзор российской словесности за 1828 г.» следующие слова в виде упрека: «Так, еще в «Памятнике муз» за 1827 год напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина «Фавн и пастушка», стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие перед публикой». Обзор подписан О. Сомовым. Но стихотворение сбережено тетрадью барона М. А. Корфа, о которой мы говорили, и таким образом принадлежность его Пушкину несомненна.

ке, в «смеси» посмертного издания) семь своих лицейских стихотворений, напечатанных без спроса и дозволения. Издатель альманаха поставил под ними буквы *Ап.* и почел еще за нужное, в предисловии, сделать оговорку: «Издатель, благодаря г-ну *Ап.*, доставившего к нему тринадцать пьес²³ (из которых несколько помещены в сей книжке), должным находит просить гг. Неизвестных об объявлении впредь имен своих издателю, ибо, если они желают скрыть их от публики, то в сем отношении совершенно могут быть уверены в скромности издателя, а сему последнему необходимо должны быть известны имена особ, доставляющих к нему для напечатания свои пьесы». Под буквами *Ап.* издатель, видимо, подразумевал Пушкина, и поэт, раздосадованный столько же нарушением своей собственности, сколько и неблагоприятным изъяснением издателя, хотел даже обратиться к посредничеству ближайшего начальства, но ограничился только заметкой в своих записках 1830 года: «Г-н Бестужев в предисловии какого-то альманаха благодарит какого-то г-на *Ап.* за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились печатания... Г-н *Ап.* не имел никакого права располагать моими стихами, *поправлять их по-своему* и отсылать их в альманах г-на Б. вместе с собственными произведениями...» Вообще обнародование того, что он сам считал недостойным известности, приводило его в немалый гнев, как

²³ В альманахе было всего семь пьес Пушкина: это тоже уловка издателя альманаха для затемнения дела.

увидим впоследствии еще несколько примеров. Теперь же, когда слава его упрочена и первые упражнения в поэзии не могут бросить на нее ни малейшей тени, возможно полное собрание лицейских стихотворений должно служить весьма поучительным вступлением к истории литературной деятельности Пушкина вообще и отчасти необходимым к ней пояснением.

Всем известно, что первые опыты Пушкина возбудили толки и ранние надежды современников. Г-н Макаров в статье «О детстве Пушкина» («Современник», 1843, № 3) собрал весьма любопытные свидетельства о мнениях по этому поводу, ходившие в обществе. «Кто не помнит там (в «Российском музее»), – говорит он, – «Воспоминания в Царском Селе», «Послание к Батюшкову», «К***» и проч. Тут светились дарования Пушкина ясно...» Тут уже знаменитый Дмитриев, сравнивая их с обыкновенным родом поэзии, господствовавшей у нас, говорил: «Классическая такта и в стихах и в прозе лишает нас многого хорошего; мы как-то не смеем не придерживаться к «Краткому руководству к Орагории Российской!» Василий Львович Пушкин, долго не соглашавшийся признать поэтический талант в племяннике, радовался, однако ж, что «Александровы стихи не пахнут латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского». Необычайную прозорливость оказал другой певец, граф Д. И. Хвостов. В ранних опытах Пушкина он почувствовал «перелом классицизму». Восторг Державина при слушании

строф из «Воспоминания в Царском Селе» уже известен.

Все похвалы эти имели основание. Тем людям, которые застали Пушкина в полном могуществе его творческой деятельности, трудно и представить себе надежды и степень удовольствия, какие возбуждены были в публике его первыми опытами; но внимательное чтение их и особенно сравнение с тем, что делалось вокруг, достаточно объясняют причину их успеха. Стих Пушкина, уже подготовленный Жуковским и Батюшковым, был в то время еще очень неправилен, очень небрежен, но лился из-под пера автора, по-видимому, без малейшего труда, хотя, как вскоре увидим, отделка пьес стоила ему немалых усилий. Казалось, язык поэзии был его природный язык, данный ему вместе с жизнью. Сам Пушкин как будто верил в эту мысль и в превосходном стихотворении, вновь отысканном, мог по справедливости сказать про свою Музу:

Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный ум напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заморозила!

Часто посреди простых ученических упражнений, стихотворных нецеремонных бесед с друзьями и в подражаниях Державину, Карамзину и Жуковскому – неожиданно встречаешься у Пушкина с оригинальными образами, с приемами, уже предвещающими позднейшую эпоху его разви-

тия. Так, в стихотворении 1815 года «Мечтатель» есть строфа, которая может вообще считаться естественной предшественницей антологических его стихотворений:

На слабом утре дней златых
Певца ты²⁴ осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,
Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

В стихотворении 1816 года «Друзьям» есть уже первые черты той тихой и светлой грусти, которая составляла впоследствии отличительную черту его элегий:

К чему, веселые друзья,
Мое тревожит вас молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взял я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искать потерянные звуки.
Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,

²⁴ Муза.

И на любовь устремлены
Огнем исполненные очи!
Играйте, пойте, о друзья!
Утрайте вечер скоротечный; —
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Пьеса эта, переделанная Пушкиным несколько позднее, приобрела удивительную круглоту и в этом виде вряд ли чем отличается от лучших его произведений. В стихотворении 1817 года «К молодой вдове» кто, хотя немного знакомый с манерой Пушкина, не узнает его руки?

... Вечно ль слезы проливать?
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Там объемлет вечный сон,
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон.
Не для них весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов.

При некотором старании можно было бы увеличить число таких примеров, но и этих достаточно для оправдания нашей мысли. Лицейские стихотворения полны намеков, бег-

лых линий, теней, которые впоследствии самим Пушкиным обращены в ясные, полные и живые образы. Очень многие из этих ранних заметок, совершенно преобразованных поэтом в эпоху его самобытного развития, нашли себе место в разных его произведениях. Лицейские стихотворения походят на памятную книжку, где записано многое слишком коротко и бегло, многое слишком пространно и слабо. Пушкин нередко черпал материалы из своего старого запаса, чему несколько примеров собрано нами в примечаниях к его лирическим пьесам.

Основной характер юношеской поэзии Пушкина составляет веселый взгляд на жизнь и стремление к беззаботному наслаждению ею, что и доставило ей успех в публике и между товарищами. Если разобрать стихотворения трех годов, с 1816 по 1818-й, и отделить от них подражания Пушкина всем предшественникам – Державину, Карамзину и Жуковскому, – остается еще большой отдел легких, игривых посланий, застольных, вакхических песен, которые, видимо, обязаны существованием своим влиянию французских, так называемых анакреонтических, писателей. Еще на скамьях лицея Пушкин прочел всех корифеев этой поэзии – Шолье, Шапеля, Берни, Грессе, Грекура и Парни, – и первые его опыты связаны с этими именами и с тем родом произведений, которым занимался отец его, Сергей Львович. Стихотворения 15- и 16-летнего Пушкина были только продолжением того рода домашней поэзии, с которым он познако-

мился у себя в семействе. Не нужно пересчитывать многочисленных произведений этого отдела: они легко узнаются по притязаниям на остроумие, по небрежности картин и самого хода их. Между ними есть даже русская сказка «Бова», которая, несмотря на простонародное свое название и на подражание Карамзину, сильно походит вместе с тем и на сказочку Вуазенона. Правда, некоторые из них уже выступают из ряда холодных, внешне эффектных и остроумных произведений французской поэзии – именно те, где особенно чувствуется влияние Батюшкова, как, например, в пьесах «Гроб Анакреона», «Мечтатель» («По небу крадется луна...») и во всех элегиях Пушкина. Батюшков был первым учителем Пушкина в тонком эстетическом вкусе, в искусстве облекать самые смелые порывы фантазии в грациозные образы и совершенством формы смягчать резкость представления. Пушкин признавал себя учеником Жуковского, но общее впечатление, производимое его юношескими опытами, заставляет перенести это звание и эту честь скорее на Батюшкова, чем на автора «Людмилы». Пушкин высоко ценил даже сходство, какое могут представлять некоторые из собственных его стихов с манерой Батюшкова. Рассказывают, что в 1828 году он, по просьбе одного литератора в Москве, написал ему в альбом известное свое стихотворение «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»). На вопрос литератора, почему пришло ему на ум именно это стихотворение, Пушкин отвечал: «Я люблю его – оно отзывается сти-

хами Батюшкова».

Мы упомянули об элегиях Пушкина 1816 года, каковы «Месяц», «Осеннее утро», «Окно», «Сну» и проч. Нельзя пройти их без внимания. Они, по нашему мнению, составляют переход к более самостоятельным его произведениям, которые появились спустя три года. Напрасно стали бы искать в них глубокого чувства позднейших его произведений: это были первые тревоги поэтической души, первое пробуждение чувства. Отсюда истекал впоследствии тот чудный родник лирических песней, который так освежительно действует доселе на сердце и воображение читателя! Без труда можно видеть, что в основании его элегической задумчивости нет никакого действительного события, еще менее настоящей страсти; но эти неясные и неопределенные жалобы, опережающие жизнь, истинны сами по себе. Лицо, возбудившее их, упоминается в лицейских записках Пушкина, как мы видели. К тому же лицу относится и стихотворение «К живописцу», которое, будучи положено на музыку одним из товарищей Пушкина, часто распевалось в лицее хором, хотя пьеса эта есть только перевод известного стихотворения Парни «Peintre, Qu'Hebe soit ton modele...».²⁵

К концу своего пребывания в лицее Пушкин уже обратил на себя внимание и надежды не только сотоварищей и родных своих, подозрительно смотревших до того на его обык-

²⁵ «Художник, пусть Геба послужит тебе образцом...» (фр.)

новенные занятия²⁶, но и представителей русской литературы: Державина, Карамзина и Жуковского. Слава доставалась ему легко, как человеку, предопределенному на это, а вместе с тем и самая жизнь начинала определяться в тех самых чертах, какие видим и впоследствии. К концу лицейского поприща он предается вполне миру фантазии, как говорит один из его соучеников, почти беспрерывно задумываясь и сочиняя в классах, в играх, на прогулках: порывы пылких страстей, которые были в крови его и так сильно ознаменовали его существование, становятся виднее и чаще. К этому надо прибавить, что и воображение молодого Пушкина развилось с необычайной силой в несколько годов пребывания в лицее. Он даже во сне видел стихи и сам рассказывал, что ему приснилось раз двестише:

«Пускай Глицерия, красавица младая,
(Равно всем общая, как чаша круговая...)»,

к которому он и приделал потом целое стихотворение «Лицинию», долго носившее обманчивую ссылку на латинскую словесность, откуда будто бы оно почерпнуто.

С глубоким чувством вспоминал поэт первые беседы свои со вдохновением в стенах лицея и оставил чудное описание

²⁶ Примирение и одобрительный вызов на продолжение поэтических упражнений последовал, кажется, за пьесой «Лициний». До тех пор поэзия молодого Пушкина казалась шалостью в глазах близких ему людей и встречала постоянное осуждение.

их в «Онегине»:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне...

В дополнение к этим строфам приводим неизданный отрывок «Онегина», где Пушкин еще подробнее и с таким же поэтическим одушевлением рисует свое собственное лицо в стенах лицея. Кроме автобиографического значения, отрывок наш имеет еще и другого рода занимательность: в нем читатели встречаются впервые с черновым оригиналом вдохновенных строф 8-й главы «Онегина» о лицее, столь известных публике.

I

В те дни, когда в садах лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно «Елисея»,
А Цицерона проклинал,
В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор,
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,

Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив.

II

Когда в забвенье перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

И часто потом возвращался Пушкин к сладким воспоминаниям о первых годах своей молодости, а в неизданном стихотворении «Наперсница волшебной старины...» соединил даже в одной, удивительно изящной, раме лицейские воспоминания своего младенчества, видения семнадцатого года с портретом бабушки Марьи Алексеевны, занимавшей его ребяческие лета. Вот оно:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных —
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных!
Я ждал тебя. В вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло как легкий сон;
Ты отрока беспечного любила —
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила.
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушной.
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестная глава благоухала,
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Выпуск воспитанников назначен был тремя месяцами ранее определенного срока и происходил 9 июня 1817 года

вместо 19 октября. На публичном экзамене из русской словесности Пушкин прочел свое стихотворение «Безверие». В журналах того времени осталось трогательное описание торжества выпуска воспитанников, описание, которое в простой своей форме весьма много говорит сердцу читателя (см. «Сын отечества», 1817, № XXVI).

Государь император удостоил торжественный акт своим присутствием и повелел представить себе всех выпускаемых учеников. С отеческою нежностью увещевал он их о исполнении священных обязанностей к монарху и отечеству и преподал несколько советов, долженствовавших руководить их на пути жизни. Затем представлены были ему все профессора и начальники лицея. Осмотрев с величайшею подробностью устройство лицея, государь император возвратился к ожидавшим его воспитанникам с новыми милостями. Он наградил каждого из них жалованьем, до получения штатного места на предстоящей службе, смотря по разряду, к которому принадлежит каждый. Выходившие с чином 9 класса имели право на 800 руб. асс., а получившие 10 класс – на 700 руб. С глубоким умилением и благословениями проводили профессора и начальники лицея монарха своего, и ни один из них не был забыт в наградах, щедро излившихся на них вслед за сим.

Пушкин, 19-й воспитанник по выпуску, принадлежал ко второму разряду и 13 июня 1817 года определен в Государственную Коллегию иностранных дел с чином коллеж-

ского секретаря. Напрасно прежде этого добивался он у отца позволения вступить в военную службу, в Гусарский полк, где уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерийским офицером была его ученическая мечта, сохранившаяся в некоторых его посланиях из лицея. Сергей Львович отговаривался недостатком состояния и соглашался только на поступление сына в один из пехотных гвардейских полков.

Кстати будет сказать здесь, что физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, езды верхом и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником у известного фехтовального учителя Вальвиля. Все это, однако ж, не помешало Пушкину несколько позднее предполагать в себе расположение к чахотке и даже чувствовать, по собственным словам его, признаки аневризма в сердце.

Глава III

Жизнь и литературная деятельность в С.- Петербурге. 1817–1820 гг.

Поездка в Михайловское. – Слова утерянного дневника об этой поездке. – Светская жизнь, болезнь 1818 года. – Г-жа Кирхгоф, белые стихи и пародия «Послушай, дедушка...». – Черновые тетради. – Внутренний процесс творчества. – Поправки и рисунки Пушкина. – Отрывки из «Альбома Онегина»: «В сафьяне, по краям окован...». – Послание к Каверину 1817 года как взгляд на самого себя. – Пушкин в обществе литераторов. – Анекдот с Карамзиным. – Жуковский исправляет стихи, забытые Пушкиным. – «Арзамас» и «Беседа любителей русского слова». – Вопрос о романтизме, Каченовский, кн. Вяземский, «Бахчисарайский фонтан». – Общества словесности и литературные кружки. – Чтение «Руслана и Людмилы» на вечерах у Жуковского, слово Батюшкова. – Пушкин и Катенин. – Катенин мирит Пушкина с Шаховским и Колосовой. – Осторожность Пушкина в суждениях о людях, причина непомищения в «Сев[ерных] цветах» 1829 (года) стихов Катенина. – Минута недоразумения между Пушкиным и Катениным и письмо первого по

поводу этого недоразумения и комедии «Сплетни». – Письмо Пушкина к Катенину (1825 г.) с приглашением заняться романтической трагедией. – Другое письмо к Катенину с изъявлением участия о поступлении «Андромахи» последнего на сцену и скромным отзывом о своих «Цыганах». – Третье письмо к тому же (1826 г.) с приглашением издавать журнал. – Пушкин и Дельвиг. – Важное значение 1819 года; стихи «Увы, зачем она блистает...». – Настоящая манера и сознание своего таланта. – Разнообразие впечатлений, производящее беспрестанную деятельность вдохновения. – Появление стихотворений «Уединение», «Домовому», «Художник-варвар...». – Ясные признаки самосознания.

По выходе из лица А. С. Пушкин отправился тотчас же в Михайловское, деревню Псковской губернии, состоявшую тогда из 80 душ и барского дома с красивым и довольно большим садом. Один уцелевший клочок его записок 1824 года, теперь не существующих, сохранил следующие строки: «1824 года, ноября 19-го, Михайловское. Вышед из лица, я тотчас почти уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось недолго. Я любил и доньше люблю шум и толпу». Семейство его уже покинуло Москву и жило постоянно в Петербурге, уезжая на лето в Михайловское. В деревне молодой Пушкин с первого раза очутился в среде многочисленной дальней своей родни –

Ганнибаловых, рассеянных и бедных потомков знаменитого негра Абрама Петровича, награжденного Петром Великим обширными поместьями в тех местах. На обороте того же клочка потерянных записок, о которых мы упомянули, есть слова: «... попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он ее и мне поднести; я не поморщился – и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда...» Старый арап, угощавший молодого Пушкина, есть, по всем вероятностям, Петр Абрамович Ганнибал, последний сын родоначальника этой фамилии, переживший всех своих братьев. Много оригинальных и живых лиц должен был встретить Пушкин тотчас же за порогом лица. Каждое лето возвращался он в Михайловское. Имя этой деревни, доставшейся Надежде Осиповне Пушкиной после смерти ее отца, уже известного нам Осипа Абрамовича Ганнибала, начинало связываться нераздельно с его собственным именем. Круг знакомства у Пушкина должен был, однако же, охватить все слои русского общества. Как литератор и светский человек, будущий автор «Евгения Онегина» уже поставлен был с начала зимы 1817 года в благоприятное положение, редкое вообще у нас, видеть вблизи разные классы общества; но выгода этого положения еще не могла принести тогда всей своей пользы: порывы молодости затемняли дело и мешали какому бы то ни было отчетливому сознанию своего преимущества и своей обязанности как писателя.

С неутомимой жадой наслаждений бросился молодой Пушкин на удовольствия столичной жизни. С самых ранних пор заметно в нем было постоянное усилие ничем не отличаться от окружающих людей и идти рядом с ними. Запас страстей, еще не растраченных и не успокоившихся от годов, должен был, разумеется, увлечь его за общим потоком еще более, чем какое-либо правило, наперед составленное для действий. Господствующий тон в обществе тоже совпадал с его наклонностями. Предприимчивое удалство и молодечество, необыкновенная раздражительность, происходившая от ложного понимания своего достоинства и бывшая источником многих ссор; беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похождения и связи всех родов – вот что составляло основной характер жизни Пушкина, как и многих его современников. Он был в это время по плечу каждому – вот почему до сих пор можно еще встретить людей, которые сами себя называют друзьями Пушкина, отыскивая права свои на это звание в общих забавах и рассеяностях эпохи. Для шумных похвал их писал он те легкие заметки, которыми оправдывал недолгое брожение юности, и воспевал вседневные предметы и образы. С людьми, понимавшими достоинство искусства, Пушкин молчал о них или старался отвлечь от них внимание. Так, при первом знакомстве своем с П. А. Катениным, выпытывая его мнение о себе, он упорно отказывался прочесть что-нибудь из своих рукописных произведений, говоря: «Показать их знающему

стыдно: они не при нем писаны». Но жизнь шла своим чередом и по заведенному порядку. Водоворот ее, постоянно шумный, постоянно державший его в раздражении, должен был иметь влияние столько же на нравственное состояние его, сколько и на физическую организацию. Спустя 8 месяцев после выхода своего из лица Пушкин лежал в горячке, почти без надежды и приговоренный к смерти докторами. Это было в феврале 1818 года²⁷.

²⁷ А не в феврале 1821 года, как сказано, по ошибке, в записках его, приложенных к последнему изданию (1838–1841 гг.). 1818-й год весьма четко выставлен на рукописи, с которой взят отрывок, там напечатанный. Кстати напомнить здесь один анекдот из этого времени, заслуживающий внимания. Пушкин от природы был суеверен и весьма расположен к объяснению частных событий таинственными, неведомыми причинами, что, может быть, составляет необходимое условие поэтических, восприимчивых организаций. Однажды он зашел к известной тогда гадалщице на кофе, г-же Кирхгоф, которая предсказала ему встречу с другом и весь разговор с ним, потом неожиданное получение денег и, наконец, преждевременную смерть. Скорое исполнение двух первых предсказаний оставило навсегда в Пушкине убеждение, что и последнее должно сбыться непременно... Вот как он сам рассказывал об этом в 1833 году в Казани г-же А. А. Фукс, из статьи которой («Казанские губернские ведомости», 1844 г., № 2) заимствуем эти строки: «Вам, может быть, покажется удивительным, – начал опять говорить Пушкин, – что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай. Раз пошел я с Н. В. В[сеголовским] ходить по Невскому проспекту, и, из проказ, зашли к кофейной гадалщице. Мы просили ее нам погадать и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. «Вы, – сказала она мне, – на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; потом, в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; а третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертию»... «Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании и о гадалщице. Но спустя недели две после этого предсказания, и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим дав-

Гений молодого поэта, однако ж, возрастал и креп даже в этой сфере и в 1819 году достиг той степени самостоятельности, когда уже можно ясно различить чистое творчество и твердые его приемы. Предшественниками стихотворений 1819 года были только даровитые попытки, но и в них ранние черты бодрости и свежести таланта изумляли опытных и зорких людей, следивших за его развитием. Что касается до публики, то автор наш был упоен ее похвалами за все свои произведения безразлично. Он усвоил себе в это время четырехстопный ямб с рифмами и сообщил ему гибкость, множество оттенков и разнообразие, которых он дотоле никогда не имел. Редко прибегал он к другому размеру, а белых стихов и вовсе не понимал, хотя и написал ими еще в лицее две пьесы: «Бова» и «Фиал Анакреона». По прочтении стихотворения В. А. Жуковского «Тленность», начинающегося, как известно, стихами:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,

нишним приятелем, который служил в Варшаве; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве. Вот первый раз после гадания, когда я вспомнил о гадальщице. Через несколько дней после встречи с знакомым я в самом деле получил с почты письмо с деньгами; и мог ли я ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще учениками, играли в карты, и я его обыграл. Он, получив после умершего отца наследство, прислал мне долг, который я не только не ожидал, но и забыл об нем. Теперь надобно сбыться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверен...» Так передала г-жа Фукс слова Пушкина. Брат поэта, Лев Сергеевич, сообщает подробности анекдота, не совсем сходные с этим рассказом, но сущность его остается одна и та же.

Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если то ж случится
И с нашей хижинкой?

Пушкин набросал следующую пародию:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль, что, если это проза,
Да и дурная?..

В. А. Жуковский от души смеялся над пародией молодого человека, но предрекал ему время, когда он переменит мнение свое о белом стихе.

Мерилом, так сказать, всего нравственного бытия нашего поэта остались его тетради: они указывают нам почти безостановочно состояние его духа и путь, который он избирал. Этот поэтический рассказ начинается, однако ж, только с выезда Пушкина из столицы. До появления его в Крыму страницы его тетрадей белы и представляют мало пищи изыскателю. С Крыма открывается эта длинная повесть внутреннего хода его мысли; она, как постоянный указатель нравственного его развития, преимущественно взята нами в руководители при настоящем нашем труде. Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что, за исключением двух первых годов его жизни в свете, никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин. Он сам несколько

позднее с упреком говорил о современных ему литераторах: «Мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются». Если бы нам не передали люди, коротко знавшие Пушкина, его обычной деятельности мысли, его многообразных чтений и всегдашних умственных занятий, то черновые тетради поэта открыли бы нам тайну и помимо их свидетельства. Исполненные заметок, мыслей, выписок из иностранных писателей, они представляют самую верную картину его уединенного кабинетного труда. Рядом с строками для памяти и будущих соображений стоят в них начатые стихотворения, конченные в другом месте, перерванные отрывками из поэм и черновыми письмами к друзьям. С первого раза останавливают тут внимание сильные пометки в стихах, даже таких, которые, в окончательном своем виде, походят на живую импровизацию поэта. Почти на каждой странице их присутствуешь, так сказать, в середине самого процесса творчества и видишь, как долго, неослабно держалось поэтическое вдохновение, однажды возбужденное в душе художника; оно нисколько не охладевало, не рассеивалось и не слабело в частом осмотре и поправке произведения. Прибавьте к этому еще рисунки пером, которые обыкновенно повторяют содержание написанной пьесы, воспроизводя ее, таким образом, вдвойне. Вообще тетради Пушкина составляют драгоценный материал для истории происхождения его поэм и стихотворений, и мы часто будем обращаться к ним в продолжение нашего труда. Поэт наш сам

представил верную картину их при описании альбома Онегина:

В сафьяне, по краям окован,
Замкнут серебряным замком,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Среди бессвязного маранья
Мелькали мысли, примечанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письмена.
(Из неизданного отрывка «Онегина»)

Но до 1820 года мы почти лишены указания тетрадей Пушкина, и этого одного достаточно для определения характера всей эпохи. Мы думаем, что в одном небольшом послании «К К[авери]ну», написанном около 1817 года, выражается лучше и настоящий взгляд автора на самого себя, и вся незатейливая философская система, принятая им в то время:

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша смиренный;
Пока живется нам – живи

.....

.....

И черни презирай роптанье:
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

С первого шага своего в свет Пушкин очутился в обществе тогдашних литераторов как известный и заслуженный его член. Он почти совсем не был в положении начинающего. В детстве его В. А. Жуковский нарочно ездил в Царское Село осведомляться о занятиях даровитого питомца лицея и прочитывать ему свои стихотворения. Пушкин обладал необычайной памятью: целые строфы, переданные ему В. А. Жуковским, он удерживал надолго в голове и повторял их без остановки. Жуковский имел привычку исправлять стих, забытый Пушкиным; каждый такой стих считался дурным по одному этому признаку²⁸.

²⁸ Сам незабвенный Н. М. Карамзин, принимавший Пушкина часто в кабинете своего царскосельского дома, прочитывал ему страницы своего труда, беседовал с ним об отечественной истории и выслушивал мнения юноши с снисхождением и свойственным ему добродушием. Так как записки Пушкина остались только в отрывках и клочках, рассеянных по разным тетрадам, то мы имеем еще клочок о Н. М. Карамзине, полный глубокого уважения и любви к историографу. В нем Пушкин рассказывает, как одним опрометчивым суждением привел он в гнев всегда ясного, всегда спокойного историка, и как в самой благородной горячности еще выказалась его прекрасная душа. Вообще, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин и А. И. Тургенев всегда стояли к Пушкину в тех постоянно нежных дружеских отношениях, которых не мог изменить он сам, а тем менее посторонние люди или обстоятельства.

По первым своим произведениям Пушкин занесен был также в список «арзамасцев». Известно, что литературное общество, носившее название «Арзамас», составилось из некоторого противодействия к торжественности и отчасти к неподвижности другого литературного общества, имевшего название «Беседы любителей русского слова». Важность обстановки, похожей на заседание, чем вообще отличалась «Беседа любителей», заменена была в «Арзамасе» тоном дружества и шутки. Нерасположение «любителей русского слова» к новым явлениям в нашей литературе подало мысль «арзамасцам» назвать своих участников именами и словами, встречающимися в балладах Жуковского, которые особенно не нравились тогда защитникам «серьезной» поэзии и старых форм стихотворства. Таким образом, были усвоены имена «Старушки», «Громобоя» и друг[их] многими известными лицами в обществе. В. Л. Пушкин получил однословное «Вот!» в название, а Александру Сергеевичу Пушкину дано имя «Сверчок». Под этим именем напечатал он свою превосходную пьесу «Мечтателю»²⁹, где очерк истинной страсти так далеко оставляет за собой прежние легкие, веселые ее определения. Это уже ступень к мужеству таланта, и как большая часть стихотворений Пушкина, пьеса связывается с действительным лицом и действительным событием. Несколько других подробностей об «Арзамасе» тем более необходимы здесь, что без них трудно понять как де-

²⁹ В «Сыне отечества» 1818 года, № LI. Подпись была «Св..ч.к».

ательность нашей полемики между 1815 и 1825 годами, так и многое во взгляде, привязанностях и убеждениях самого Пушкина.

Всякий, кто изучал отечественную литературу первой четверти нашего столетия, вероятно, чувствовал, что ему недостает ключа для понимания многих намеков тогдашней критики и особенно для уяснения отношений между литературными партиями. Статьи филологического и эстетического содержания этой эпохи и даже стихотворения, послания и эпиграммы покрыты легкой тенью, которая мешает видеть сущность дела. Ключ для разбора недосказанных слов и мыслей может подать только изучение существовавших у нас литературных обществ. В 1815 году еще продолжалась борьба, возникшая по поводу нововведений Карамзина, и противники его направления сосредоточились в обществе «Беседа любителей русского слова», к членам которого принадлежали многие даровитые люди: в числе их был и кн. Шаховской. Все молодое, желавшее новых форм для поэзии и языка и свежих источников для искусства вообще, пристроилось к другому обществу, «Арзамасу». «Арзамас» порожден был шуткой и сохранял основной характер свой до конца. Один веселый и остроумный рассказ под названием «Видение во граде» вызвал его на свет. В рассказе передан был анекдот о некоторых скромных людях, собравшихся раз на обед в бедный арзамасский трактир. Стол их был покрыт скатертью белизны не совсем беспорочной и нисколько не был отяг-

чен избытком брашен (блюд, пищи. – *Прим. ред.*). В середине беседы прислужник возвестил им, что какой-то проезжий остановился в трактире и, по-видимому, находится в магнетическом сне. Хотя любопытство и приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья «Арзамаса» доказали противное. Они отправились наблюдать нового ясновидящего у дверей и увидели высокого, толстого человека, который ходил беспрестанно по комнате, произнося непонятные тирады и афоризмы. Последние они тут же записали, но скрыли все собственные имена, потому что незлобивость и добродушие составляли и составляют отличительную черту «Арзамаса». Едва разнеслась эта шутка, в которой нетрудно было отгадать все тонкие намеки ее, как автор получил приглашение от одного из своих друзей на первый «арзамасский вечер». Продолжая шутку, лица «арзамасского вечера» назвали именами из баллад В. А. Жуковского и, наподобие Французской Академии, положили правило: всякий новоизбранный член обязан был сказать похвальное слово не умершему своему предшественнику, потому что таких не было, а какому-либо члену «Беседы любителей русского слова» или другому известному литератору. Так произнесены были похвальные слова г-ну Захарову, переводчику «Авелевой смерти» Геснера, «Велисария» г-жи Жанлис и «Странствований Телемака» Фенелона, г-ну А. Волкову – автору «Арфы стихоглаской» и мног[им] др[угим]. Секретарь общества В. А. Жуковский вел журнал заседаний, и протоко-

лы его представляют автора «Людмилы» с другой стороны, еще не уловленной биографами, – со стороны вообще веселого характера. Это образцы самой забавной и вместе самой приличной шутки. Нам неизвестно, кому произнес похвальное слово Александр Сергеевич при вступлении своем, но ему дозволено было сказать первую речь свою стихами. Стихи эти, к сожалению, тоже утрачены. Не должно забывать, что веселое направление «Арзамаса» не мешало ему весьма строго ценить произведения в отношении правильности выражения, верности образов и выбора предметов. Орудием насмешки и остроумия «Арзамас» поражал ложные или неудачно изложенные мысли, и Пушкин в стихотворной речи своей недаром упоминал о лозе «Арзамаса», которая достигает провинившихся писателей, несмотря на то, зачислены ли они в список «арзамасцев» или нет.

Отношения «Арзамаса» к другим обществам должны были отразиться на всем литературном движении; но здесь первый повод, а с ним и настоящее значение явлений были уже потеряны для большинства публики; так продолжается и доселе. Например, появление комедий кн. Шаховского «Липецкие воды» – сатиры на произведения В. А. Жуковского – и «Новый Стерн» – сатиры на произведения Н. М. Карамзина – только теперь несколько объясняется в глазах исследователя. С них началась жаркая полемика, в которой особенно отделяется от всех бойкостью и меткостью своих заметок кн. П. А. Вяземский, стоявший, разумеется, на сторо-

не авторитетов, обиженных нашим комиком. Еще в «Сыне отечества» 1815 года (№ XVI) является его статья «Мнение постороннего», где, не принимая попыток примирения, сделанных М. Н. Загоскиным в комедии своей «Комедия против комедии», он горячо высчитывает ряд оскорблений, нанесенных лилипутами словесности лицам и именам истинных писателей. Сам В. А. Жуковский в послании к Вяземскому и Пушкину (Василью), напечатанном в «Российском музее» 1815 года (№ 6) и не попавшем в последнее собрание его сочинений 1848 года, глубоко жалуется на завистников, омрачающих благородное поприще литератора, и дает советы друзьям, как сберечь свое призвание и творческие идеи в шуме людей, не понимающих ни того, ни другого. В известном ответе своем на это послание («К Жуковскому» – «Благослови, поэт!...») А. С. Пушкин рисует картину враждебных личностей и направлений, уже вызвавших столько жалоб и возражений. Наконец, даже Батюшков, в первой рукописной редакции своего стихотворения «Видение на берегах Леты», ходившей по рукам и измененной впоследствии, обрекал Лете и забвению те лица, которые упорно держались старых форм и смотрели недоброжелательно на попытки разрабатывать новые стороны искусства. Не говорим уже о многих мелких статьях, эпиграммах, баснях и посланиях.

Когда в двадцатых годах стали обнаруживаться в литературе нашей идеи романтизма в противоположность идеям классицизма, то «Арзамас» и враждебное ему направление

отделились еще резче и явственнее. Можно сказать, что идеи романтизма находились уже в «Арзамасе» прежде появления их в нашей литературе.

Сторона противудействующая нашла тогда представителя в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского и в столкновениях ее с новыми теориями искусства обнаружила последовательность, какой не было прежде. Споры происходили теперь уже преимущественно по поводу произведений Александра Сергеевича, как прежде предметом их были Карамзин и Жуковский, но приемы, направление и мысли почти одинаковы у почитателей нового деятеля. Князь П. А. Вяземский является и здесь первым защитником его. В 1821 г. он напечатал в «Сыне отечества» (№ 2) свое едкое послание к Каченовскому, которое, во многих местах, было буквальным переводом Вольтерова стихотворения «De l'Envie». ³⁰ К 1824 году принадлежит его жаркая полемика с «Вестником Европы» по поводу «Бахчисарайского фонтана» и «Разговора», приложенного к нему, и наконец только в 1825 году следы борьбы «Арзамаса» со старой партией защитников прежних форм искусства пропадают совсем или принимают другой вид. Так важно было влияние «Арзамаса» на литературу нашу, и надо прибавить к этому, что Пушкин уже сохранил навсегда уважение как к лицам, признанным авторитетами в среде его, так и к самому способу действия во имя идей, обсужденных целым обществом. Он сильно порицал у дру-

³⁰ «О желании» (фр.).

зей своих попытки разъединения, проявившиеся одно время в виде нападков на произведения Жуковского, и вообще все такого же рода попытки, да и к одному личному мнению, становившемуся наперекор мнению общему, уже никогда не имел уважения.

Много и других литературных обществ существовало тогда в обеих столицах; так, в Москве было «Общество любителей словесности», в Петербурге – «Общество любителей словесности, наук и художеств» и «Общество соревнователей просвещения и благотворения»³¹. Последнее издавало журнал, а второе печатало свои труды по большей части в журнале «Благонамеренный». Московское общество держалось весьма долго, оно также издавало журнал под названием «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», в котором, как мы видели, печатались первые опыты Пушкина. Журнал этот прекратился в 1827 году. Кроме самих обществ были еще кружки, составлявшие, так сказать, повторение их, но в уменьшенном виде; таков был незабвенный круг А. Н. Оленина, имевший, как известно, важную долю влияния на современную литературу. Вечера В. А. Жуковского также принадлежат к этой цепи

³¹ Общество это носило еще название высочайше утвержденного «Вольного общества любителей русской словесности». Журнал его «Соревнователь» снабжался особенной оберткой, по окончании каждой части, с заглавием «Труды высочайше утвержденного и проч.». Пушкин поместил в нем с 1819 года 5 пьес: «Эпиграмму» («Марают он единым духом...»), «Дева» («Я говорил тебе: страшися...»), «Мила красавица», «Желание славы», «Елизавете».

небольших частных академий, где молодые писатели получали и первую оценку, и первые уроки вкуса. Влияние всех этих официальных и неофициальных собраний на просвещение вообще еще не нашло у нас оценки, даже и приближительной. Хотя Пушкин не принадлежал к некоторым из них, однако же следил равно внимательно за их занятиями. Надо прибавить, что они уничтожены были столько же временем, сколько и распространением круга писателей, вследствие общего разлива сведений и грамотности. С увеличением класса авторов сделались невозможны и те труды сообщая, та взаимная передача замыслов и планов литературных, обсуждение начатых произведений всеми голосами, единство направления, – словом, все те особенности, которые заставляют старожилов, по справедливости, вспоминать с умилением об этой эпохе нашего литературного образования. Сам Пушкин, создавший так много новых читателей на Руси и не менее того стихотворцев, сильно способствовал уничтожению дружеских литературных кругов; но вместе с тем он сохранил до конца своей жизни, как уже мы сказали, существенные, характеристические черты члена старых литературных обществ и уже не имел симпатии к произволу журнальных суждений, вскоре заместившему их и захватившему довольно обширный круг действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.